

СЕРГЕЙ ЧУДАКОВ

«Другая», неофициальная, живопись эпохи застоя ныне пользуется большим спросом – за полотна Зверева и Целкова, Рабина и Шемякина на международных аукционах выкладываются миллионы.

У тоже «других», подпольных поэтов того времени резонанс несравненно меньший. Тем не менее, и они теперь на виду. Кому-то, как Пригову или Айги, удалось себя «раскрутить» после перестройки – даже и в международном масштабе; кто-то, как Кропивницкий, Алейников, Губанов, Сапгир, удостоился роскошных подарочных или академических изданий; а кто-то, как Всеволод Некрасов, Латынин, Олег Григорьев – изданий скромных, малотиражных. Хорошо, однако, что все они наконец изданы и дотошный читатель может их отыскать, чтобы самому решить, кто из них был отвергнут печатью в свое время несправедливо и глупо, а кому и поделом глухая безвестность.

Сергей Чудаков (ровесник Ахмадулиной, Чухонцева, Шпаликова, сгинувший неизвестно как в конце девяностых) принадлежит к разряду малотиражных. А ведь некогда он был фигурой легендарной – пусть и в узком кругу литературно-художественной богемы. Отдельные его строчки («Голубое озеро, красное вино...», «Обожая Нону, я ее не трону...» и пр.) постоянно цитировались в удачных компаниях тех лет, становились своего рода фольклором – наряду со строчками Есенина или Высоцкого. Вот хоть те, почти слипшиеся от частого повторения, что так нравились Бродскому:

Пушкина играли на рояле,
Пушкина убили на дуэли...

Или:

переверните мир одной ресницей
друг сумасшедший брат мой бледнолицый

В стихах Чудакова тех лет, расхваливавшихся в самиздате, то и дело возникает переключки с поэтическими кумирами интеллигентского подполья – с Мандельштамом, Цветаевой, Пастернаком, Хлебниковым, Ходасевичем, прочими мэтрами Серебряного века. Однако тон в этих пиитических беседах взят, как правило, самый ернический. Это словно бы классики, воспринятые Петром Потемкиным или Сашей Черным и переложенные на их язык. Вот, не угодно ли, Ходасевич:

Жизнь идет вытираются полота
входит август уходит июль
репетиция смертного пота
пожирание аптечных пилюль

Или вот – Маяковский:

Миллионы
эпигонятся
Эпигоны
миллионятся
И ползет кручина-ноченька
Сквозь сопливые деньки:
Вместо флейты-позвоночника
Сплошь свистульки-позвонки

А вот Заболоцкий (напополам с Хармсом):

Шли конвойцы вчетвером,
бравые молодчики.
А в такси мосье Харон
ставил ноль на счётчике

Небольшое, на полторы сотни страниц издание (в серии «Культурный слой») – это все, что пока удалось наскрести по случайным сусекам у друзей поэта, нередко столь же безалаберных, как и сам автор. Один из этих друзей, известный литературовед и писатель Олег Михайлов написал проникновенное предисловие к этой долгожданной книге. В нем он называет своего непутевого ровесника «Русским Вийоном». Лестная и, видимо, правильная формула.

Кроме того, на обложке книги приводятся и по-своему замечательные, посвященные Чудакову стихи его почитателей из числа бывлых подпольщиков, а ныне прославленных классиков. Хорошо, как все-

гда, при этом неоклассицист-модернист Бродский, воскрешающий славу собрату как «человеку мостовой»:

Тщетно драхму во рту твоём ищет угрюмый Харон,
тщетно некто трубит наверху в свою дудку протяжно.
Посылаю тебе безымянный прощальный поклон
с берегов неизвестно каких. Да тебе и неважно.

Сразу же узнаваем и концептуалист Некрасов:

Чего же ты хочешь
Это же Кочетов

А то Серёжа Чудаков
Чего же ты хочешь

Колёр локаль. М., Культурная революция, 2007.